

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.23671/VNC.2020.74.57957

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ЮЖНОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.Л. Чибиров

В статье на основе историографических данных освещаются вопросы ранней истории иранских племен южной России, населявших обширные территории Великой Степи, протянувшейся от Байкала на востоке до среднего течения Дуная на западе. Будучи гигантским природным коридором, соединявшим цивилизации Азии и Европы, Великая Степь являлась естественным продолжением иранского культурного мира, определявшего собой культурный облик прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии. Великая Степь постоянно принимала поток мигрантов-кочевников, двигавшихся с востока на запад. В историографии зона постоянных ареальных контактов названа циркумпонтийским регионом, с разных сторон примыкающим к Черному морю. Данные археологии дают основания усматривать здесь экспансию кавказских металлургических центров и связанных с ними степных групп в балкано-дунайский регион, что является результатом расселения древних индоевропейцев из каспийско-черноморских степей на запад и юго-запад с дальнейшим выделением конкретных индоевропейских групп. Одним из первых ученых, уделившим пристальное внимание иранству и эллинству как основе, на которой зарождалось славянство в южнорусских степях, был М.И. Ростовцев, роль и значимость которого для российской археологии и антиковедения трудно переоценить.

Ключевые слова. Ростовцев, скифы, савроматы, сарматы, аланы, иранцы, Северное Причерноморье, Циркумпонтийская зона.

От озера Байкал на востоке до среднего течения Дуная на западе распростерлась Великая Степь, орошаемая множеством больших и малых рек. Это природный гигантский коридор, соединявший цивилизации Азии и Европы. М.И. Ростовцев писал об этом следующее: «Степи юга России, широко раскинувшиеся от Дуная и вплоть до предгорий Урала, к северу от

Черного моря, Кавказа и Каспийского моря, сыграли в культурно-историческом развитии человечества немаловажную роль. Строение местности и географическое положение в значительной степени предопределили эту роль. Степи юга России, частью богато поросшие травой, частью покрытые лесами и перелесками, особенно по многочисленным типичным

для юга России балкам и оврагам, доходят до самых берегов Черного моря. Северное побережье Черного моря, за исключением южного берега Крымского полуострова и все побережье Азовского моря – сплошь степные... на севере они составляют одно неразрывное целое со всей центральной и северной Россией» [1, 1]. Степь была «естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии» [1, 2].

История человечества сплошь состоит из миграций. Великая Степь постоянно принимала поток мигрантов-кочевников, двигавшихся с востока на запад, и в этом безумном движении не наблюдалось никакого встречного потока. В статье известного археолога Н. Я. Мерперта эта зона постоянных ареальных контактов названа Циркумпонтийским регионом, с разных сторон примыкающим к Черному морю [2, 9]. Естественно, что и Северное Причерноморье входит в эту зону. Другой исследователь, археолог Е. Н. Черных, усматривает здесь экспансию кавказских металлургических центров и связанных с ними степных групп в балкано-дунайский район [3, 7], что является результатом расселения древних индоевропейцев из каспийско-черноморских степей на запад и юго-запад с дальнейшим выделением конкретных индоевропейских групп. Все эти сложные вопросы, восходящие к IV-III тыс. до н.э., довольно подробно рассмотрены в вышеназванной статье Мерперта, писавшем в заключение: «Это был результат длительных и сложных процессов, веками протекавших в циркумпонтийской зоне, в том числе и кратко рассмотренных выше интеграционных процессов IV-III тысячелетий до н.э.» [2, 32].

Данной проблеме посвящена также специальная статья Е. Н. Черных [4].

Особо стоит выделить ту часть статьи, которая описывает так называемые курганские культуры, раскинувшиеся на большой территории от Северного Кавказа вплоть до Добруджи (Майкопская, ямная, кемиобинская, усатовская), а также важное положение И. М. Дьяконова о понятии индоевропейского «праязыка» и его привязке к археологическим материалам [4, 47], что позволяет говорить о процессе индоевропеизации юго-восточной Европы начиная с V тыс. до н.э. [4, 48].

Проблема генезиса древнего иранства, в том числе и с учетом зарубежной историографии, достаточно обширна, и мы не видим необходимости в рамках данной статьи останавливаться на ней подробно. Заметим только, что вопросы, относящиеся к прародине древних иранцев, не могли не интересовать Ростовцева, но начинавшего свой экскурс в древности юга России с VIII-VII вв. до н.э. – времени появления первых «иранских и греческих выходцев», хотя он и пытается «заглянуть в более отдаленное прошлое и связать его, так или иначе, со сведениями литературными» [1, 8]. В его время сделать это было невозможно из-за отсутствия источников, прежде всего археологических. Мы остановимся лишь кратко на двух-трех итоговых отечественных исследованиях, которых может быть достаточно для того, чтобы показать, как неясные, размытые идеи и догадки Ростовцева воплотились в жизнь и сегодня уже вошли в актив исторической науки.

Прежде всего, стоит назвать основательную монографию Э. А. Грантовского (Институт востоковедения РАН) «Ранняя история иранских племен Передней Азии», рассказывающую о древнеиранских племенах Передней Азии в доакхеменидский период, т.е. до VI в. до н.э. На основании анализа урартских, ассирийских надписей, иранских текстов, трудов античных авторов, археологических материалов автор приходит к ряду новых вы-

водов о роли иранских племен в истории Передней Азии и Циркумпонтийской ойкумены в начале I тыс. до н.э. Грантовский убедительно обосновывает версию о движении этих племен из южнорусских-северопричерноморских степей через Кавказ на юг, в земли Передней Азии.

Ираноязычное население сыграло также большую роль в этногенезе народов Азербайджана и всего Закавказья, народов Средней Азии, южнорусских степей и некоторых других регионов нашей страны. Для нас важно определить положение и роль Кавказа в этих массовых передвижениях, в чрезвычайно сложных горных условиях. Именно поэтому миграция иранцев через Кавказ у части ученых вызвала сомнения – так, по Э. Мейеру, область расселения ариев находилась в Средней Азии [5, 896-902]. На Среднюю Азию как родину ариев указывают данные Ригведы и Авесты [6, 23]. Но в настоящее время эта версия поколеблена в пользу евразийских степей, где все, в том числе и экосистема, свидетельствует о весьма широком территориальном распространении индоевропейцев в Северном Причерноморье.

Наиболее ранний, известный нам благодаря Геродоту, народ на этой территории – киммерийцы [7, 15]. Это доскифское население легендарной страны Ариана Вэджа (Аирйанэм-Ваэджа)¹ – страны ариев, тот пространственно-временной континуум, который и стал прародиной древних иранцев. Геродот сообщает, что киммерийцы находились в Азии, куда явились и скифы [7, 1], что в Скифии есть область Киммерия и «так называемый Киммерийский Боспор» [7, 12]. Местоположение Боспора хорошо известно, обсуждалось Ростовцевым в его монографии «Скифия и Боспор» и сомнений не вызывает. В новой отечественной историографии киммерийцам, их культуре посвящены исследования М. И. Артамонова, А. И. Тереножкина и А. Иванчика.

Языковая принадлежность киммерийцев все же остается под вопросом, однако большинство авторов считает киммерийцев иранцами (Ростовцев ошибочно считал их фракийцами), что представляется нам наиболее вероятным. Хронология их присутствия на исторической арене – VIII-VII вв. до н.э., затем киммерийцы вытесняются или поглощаются скифами. Городищ и поселений киммерийцы после себя не оставили, так как были кочевниками. Известны только их курганы и клады, отдельные находки.

Археологическая культура киммерийцев подробно описана А. И. Мелюковой [8, 10-16]. В ее концепции изложены главные выводы обобщающего характера, сохраняющие значение до сих пор: «Основываясь на интерпретации имен киммерийский царей, известных из письменных источников, среди которых лингвисты выделяют фракийские наряду с иранскими, а также на данных Страбона о связях киммерийцев с трерами², многие исследователи придерживались мнения о фракийской этнической принадлежности киммерийцев... Однако в последнее время среди лингвистов и археологов находится все больше сторонников отнесения киммерийцев к числу древнейших иранцев» [8, 16]. Культура киммерийских племен в корне отлична от фракийской несмотря на отдельные схождения и глубокие связи со срубной археологической культурой, что подтверждает существование древнеиранского этнического массива в степях Евразии с эпохи бронзы. К подобным выводам приходят известные лингвисты и востоковеды (В. И. Абаев, Э. А. Грантовский, О. Н. Трубочев и др.). Таким образом, взгляды Ростовцева весьма существенно скорректированы отечественными учеными.

Скифы – древние племена Северного Причерноморья, Крыма и Предкавказья, обитавшие на этих территориях в VII в. до н.э. – III в. н.э. Они относились к той

же этнической группе, что и киммерийцы. Согласно Геродоту, они делились на скифов «царских», скифов «кочевников» и скифов «земледельцев-пахарей». Труд Геродота является наиболее полным источником о хозяйственных основах скифского общества, отличавшегося наличием социальной структуры с централизованной царской властью во главе. В экономике Скифии преобладало земледелие и скотоводство (скорее всего полукочевое), существовала своя обработка металлов, кожи, древесины и т.д. Существовал торговый обмен с античными городами Северного Причерноморья, народами Кавказа, странами Ближнего Востока. В ходе распада родового, затем рабовладельческого строя в VI-V вв. до н.э. формируется Скифское государство, типичное для т.н. варварских³ государств. По периодизации Л. Г. Моргана варварство – средняя из трех эпох в истории человечества (дикость, варварство, цивилизация) и кончается с изобретением письменности. У скифов, как известно, своей письменности не было. Расцвет Скифского государства приходится на IV-I вв. до н.э., столицей Крымской Скифии или Тавроскифии был город Неаполь Скифский (III в. до н.э. – III в. н.э.), располагавшийся в окрестностях современного г. Симферополя в Крыму.

Такова самая сжатая характеристика древнеиранского народа скифов. Здесь необходимо добавить несколько слов и о скифском языке. Он представлял собой объединение группы родственных наречий, относящихся к иранской группе индоевропейской языковой семьи второй половины I тыс. до н.э. На уровне энциклопедической истины мировой наукой признано, что «одно из скифских наречий легло в основу осетинского языка» [9, 1229]. Постараемся вкратце раскрыть историографию вопроса.

Открытие европейской наукой в XVIII в. на Кавказе народа кавказского

облика, но говорившего не на одном из кавказских, а на иранском языке, привлекло внимание исследователей к осетинам, что и привело к блестящему открытию Юлиуса Клапрота, отождествившего осетин со средневековыми аланами, т.е. иранцами. В 1866 г. это было установлено К. Мюлленгофом по ономастическим данным у понтийских скифов и сарматов. Сведения, которые вошли в европейские энциклопедии (см., напр.: Paulus, 1890), в русской науке исследованы и дополнены академиком В. Ф. Миллером. Чтобы показать неугасающий интерес к историческим проблемам живого осетинского (скифо-сармато-аланского) языка в мировой науке, можно указать еще на две известные нам публикации – венгерского ученого И. Харматты (Harmatta, 1952) и немецкого исследователя Н. Гумбаха (Humbach, 1969). Не лишним будет также упомянуть работы Л. Згусты (Zgusta, 1987) и С. В. Кулланды (Кулланда, 2013). Построения д'Оссона и К. Ганна, писавших об осетинах как части готов, т.е. германцах, можно считать историографическим казусом. Окончательно же факт этноязыкового иранства и скифо-сармато-аланской языковой преемственности установлен в трудах В. И. Абаева на основании реликтовых остатков скифского языка. Ученый писал: «Споры о иранстве и неиранстве скифов и сарматов, основанные на единичных и случайных фактах и толкованиях, надо считать отошедшими в прошлое» [10, 273]. Эта же концепция получила свое развитие в книге лингвиста Т. Т. Камболова «Очерк истории осетинского языка».

Скифы нам известны гораздо лучше киммерийцев благодаря тому, что с VII в. до н.э. началось освоение Северного Причерноморья греками в ходе т.н. греческой колонизации «варварских земель» к востоку от Эллады. На территории современных России, Украины и Грузии возникает ряд торговых городов-эмпориев для

обмена с соседними варварами-скифами. Так, на Бугском лимане возникла Ольвия, в восточной части Крымского полуострова – Боспорское царство с центром в Пантикапее (Керчь), а в III в. до н.э. основана самая северная колония греков в Восточной Европе – город Танаис в устье Дона.

Появление античных городов в циркумпонтийской зоне имело решающее значение для дальнейшей эволюции скифской культуры по пути цивилизации. Греки, сталкиваясь со скифами, стали их описывать, и историки даже считают, что Геродот побывал в Ольвии [11, 65]. Большую часть четвертой книги своего труда «История» Геродот посвятил именно скифам. Сегодня этот труд является основным и, надо отметить, достоверным источником по истории скифов. Он дополнен великолепным изданием антологии античных свидетельств о народах Восточной Европы академика В.В. Латышева. Скифы в их сношениях с греками – также содержание главного труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор».

Материальная культура скифов, представленная в археологических памятниках (главным образом в курганах), хорошо известна благодаря монографиям как отечественных (Б.Н. Граков, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов, А.М. Хазанов), так и зарубежных (А. Potrats, Ia. Lebedynsky) исследователей.

Длительное время в территорию расселения скифов ученые не включали Предкавказье, за исключением нижнего Прикубанья – например, Б.Н. Граков, которому возражал Е.И. Крупнов [12, 10-13]. Последний при этом, кстати, сослался на Ростовцева, писавшего: «Географические границы области господства этой (скифской) культуры до сих пор с точностью указаны быть не могут... Основной характерной особенностью этой культуры на всем протяжении является

смешанность составных ее элементов, притом не везде одинаковых. В состав ее входят, прежде всего, разнообразные по местам элементы местной, так называемой доисторической культуры, в состав так называемой скифской культуры входят еще и другие, менее важные и значительные, но, тем не менее, уловимые. К составу последних можно причислить некоторые культурные элементы, свойственные, главным образом, Кавказу». Комментарий Крупнова уточнял: «Иными словами, М.И. Ростовцев указывал на своеобразный смешанный характер археологических материалов далеких окраин скифской культуры» [12, 15].

Сейчас мы можем уверенно говорить о присутствии ранних скифов в Предкавказье как некой «метрополии» и исходного плацдарма для «балцев» – военных походов в Закавказье. Новые раскопки курганов скифского времени, выполненные в степных районах Ставропольского края (могильники Новозаведенное, «Красное Знамя» и др.) экспедициями Ставропольского предприятия «Наследие» под руководством А.Б. Белинского, вскрыли скифские захоронения с богатым инвентарем, опубликованным предварительно. Автор раскопок, археолог-скифолог В.Г. Петренко (ИА РАН) получила полевой материал такой информативной значимости, которая может изменить целый ряд концептов существующей скифологии.

Несколько слов о так называемой «скифской триаде» (оружие, конская амуниция, художественный металл). Это действительно обширная тема, рассматривать которую в рамках данной статьи нет необходимости. Заметим только, что шедевры скифской торевтики из ставропольских курганов VII-VI вв. до н.э. не уступают по своим содержательным и художественным достоинствам прославленным шедеврам из знаменитых «царских» (аристократических) курганов

Украины, Кубани, Дона. Обычно считалось, что все художественное наследие из богатых скифских курганов на высочайшем ювелирном уровне производилось в греческих мастерских в самой Греции или в мастерских Причерноморья и Боспора (об этом говорил Ростовцев), но тщательное изучение материала из кургана Толстая могила позволило Б. Н. Мозолевскому прийти к выводу о местном скифском производстве некоторых украшений Толстой могилы, в том числе и знаменитой золотой царской пекторали IV в. до н.э. [13, 238].

Для полного осмысления нашей темы принципиально важно подчеркнуть, что археологические открытия последних лет в курганах скифской эпохи Ставрополя значительно меняют этнографию Скифии и картину начальных этапов иранизации Центрального Кавказа, разработанную В. А. Кузнецовым [14, 153-176]. И хотя пока еще преждевременно делать какие-либо выводы, но уже вполне допустимо обсуждать подобные предположения.

Так, в рамках своей концепции Кузнецов приходит к выводу о немногочисленности скифов в Предкавказье, особенно на раннем этапе. Видимо, это положение придется пересматривать, но материала пока недостаточно, а городища скифской эпохи, кроме Елизаветовского городища на Нижнем Дону VI-III вв. до н.э. [15, 79], изучены очень слабо. Тем не менее, предположение о расселении древних иранцев – скифских племен – в степях Центрального Предкавказья в более раннее время, чем считалось прежде, остается в силе, хотя сегодня мы все еще имеем больше вопросов, нежели ответов. В то же время остается в силе уже принятое наукой положение об отсутствии племен скифов в горных ущельях срединной части Большого Кавказа. Такое положение естественно и зависит от особенностей ландшафтной зоны: извечный кочевник, привыкший к безбрежной, плодородной

равнине, жить в которой ему удачливо и достаточно сытно, в горных теснинах чувствует себя песчинкой творения. Кочевник никогда не стремился стать горцем, и мы полагаем, что именно так было со скифами. Не случайно в ущельях Осетии, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачае мы не имеем ни одного собственно скифского памятника. Есть отдельные предметы, но нет комплексов, и это указывает больше на соседские, ареальные связи и обмен. Субстратные позднекобанские племена явно относились к тому доскифскому коренному населению, которое Марр называл «яфетическим» и которое в языковом отношении относилось к кавказской группе языков. К иранцам оно отношения в генетическом плане не имеет. Но эти племена прекрасно знали Кавказ и умело пользовались его дарами. Их предшественники эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) научились вести в горах своеобразную геологическую разведку, выявляя месторождения меди, и наладили производство бронзы. Кобанцы продолжили эти традиции. Мощный очаг кобанской металлургии эпохи раннего железа, бок о бок соседствовавший со скифами Предкавказья, не мог не влиять на скифов, и права В. Б. Ковалевская, высказавшая мысль о том, что кобанцы могли производить оружие для скифов (Ковалевская, 2005). Тем не менее, «говорить о заселении скифами горной зоны мы не имеем оснований» [14, 19].

Ни один древний народ не ушел с исторической сцены бесследно. Скифы вошли в историю мировой цивилизации не только благодаря созданному ими знаменитому «звериному» стилю в прикладном искусстве. Они начали создавать сказания о своих героях – могучих нартах, защитниках легендарной страны Нартов. Так родились герои-нарты, жившие в степях близ Черного моря, а примерно в VII-V вв. до н.э. началась циклизация сказаний, составивших основу эпоса. Нартовский эпос –

гордость осетинской духовной культуры. Александр Блок писал: «События всемирной истории должны быть представлены в свете того поэтического чувства, которое делает весь мир близким и знакомым и тем более таинственным и увлекательным». Древнеиранское культурное наследие скифов именно такое – таинственно-увлекательное. Вслед за М.И. Ростовцевым увлечен был иранством и известный французский мифолог Жорж Дюмезиль, который писал: «Никакие политические и даже географические перемены, покуда они совершались в пределах “североиранской” общности, не приводили к размыванию цивилизации, чего можно было бы опасаться» [16, 7].

Последний раз скифы в письменных источниках упоминаются в III в. до н.э. – «начинается стремительный ее (Скифии. – А. Ч.) закат, и в истории юга Восточной Европы открывается новая, сарматская эпоха» [11, 100]. Савроматы (ранние сарматы) – родственные скифам ираноязычные кочевые племена скотоводов, жившие восточнее скифов, в степях Поволжья и южного Приуралья в VII-IV вв. до н.э. Объединение этих племен стало именоваться сарматами; в III в. до н.э. они вытеснили скифов из Северного Причерноморья.

М.И. Ростовцев считал савроматов отдельным племенем Приазовья, сокрушенным нашествием новых сарматских орд [1, 43, 164], но ведущий сарматовед СССР К.Ф. Смирнов полагал, что савроматы – это группа кочевых племен VIII-VII вв. до н.э. из Заволжья, Южного Приуралья, сформировавшаяся из потомков племен степной бронзы [17, 3]. Со времен В.Ф. Миллера в языкознании господствует уже упомянутая теория об ираноязычии как скифов, так и сарматов. Совмещение скромных данных языка сарматов с археологическим материалом позволило установить неслучайность ряда совпадений. Со специальным, пер-

вым по этой теме трудом выступил выдающийся исследователь скифских и сарматских древностей Ростовцев [18, 158]. Этот комплексный, синтетический труд позволил доказательно показать на курганных захоронениях Оренбургской области иранское происхождение артефактов. Археолог-сарматовед М.Г. Мошкова (ИА АН СССР) так пишет о труде Ростовцева: «Необычайная интуиция ученого позволила ему на очень малом тогда материале заложить основы хронологии и периодизации сарматских памятников» [18, 158]. Однако тут же Мошкова вносит в труд Ростовцева свои (вполне обоснованные) коррективы: «М.И. Ростовцев категорически отрицал генетическую связь геродотовских савроматов и сарматов позднего эллинизма и Римского времени. Все исследованные им памятники он приписал сарматам преимущественно ранним, подчеркивая при этом пришлый “иранский” характер их культуры. Разновременность выделенных им групп он объяснял последовательными сарматскими волнами» [18, 158].

Как уже было сказано, скифская культура Северного Причерноморья угасла в начале III в. до н.э. Это время совпадает со временем появления в Причерноморье могильников прохоровской культуры, демонстрирующих расширение ареала этой культуры на запад – северо-запад. Возникает вопрос о миграции «прохоровцев» в упоминавшуюся Циркумпонтийскую зону, а это скорее всего есть движение сарматских племен на запад. Греческий историк Диодор Сицилийский говорит о некоем нашествии на Скифию, и ряд археологов (Смирнов, Сулимирский) ставит вопрос именно о сарматах. Сулимирский пишет об этой иммиграции: «Поводом для больших войн могли послужить голод или какие-то внешние факторы, составлявшие целые племена захватывать новые пастбища, вытесняя своих соседей и вызывая дальнейшее перемещение на-

родов. Так различные сарматские племена, подталкиваемые своими восточными соседями, последовательно переселялись в степи Причерноморья и далее на запад, уступая напору следующей волны переселенцев» [19, 11]. Гибель Скифии имела главной причиной нашествие сарматов, хотя некоторые авторы ссылаются на изменение климатических условий. По свидетельству Страбона, в I в. н.э. территория бывшей Великой Скифии сократилась до юго-западного Крыма и стала именоваться Малой Скифией или Тавроскифией [20, 284] со столицей в городе Неаполь Скифский, расположенном северо-восточнее Херсонеса и упоминаемом в «Херсонесском декрете» II в. до н.э.⁴ В III в. н.э. Малая Скифия была сокрушена нашествием германского племени готов. Характерно, что во время похода 275 г. в малазийские провинции одним из предводителей похода был Ардашир. А. М. Ременников и В. П. Буданова считают это имя не готским, а алано-сарматским. Заметим кстати, что согласно Юлию Капитолину император Максимиан «был родом из фракийского поселка, находившегося на границе с варварами; варварами же были его отец и мать, из которых первый был из страны готов, а вторая из племени аланов. Говорят, что имя отца было Микка, а матери Габиби» [21, 79]. Это сообщение может служить возможным объяснением причин появления германо-осетинских изоглосс.

Античная письменная традиция не оставляет никаких сомнений в том, что термин «сарматы», который используют греки, – это обобщенное наименование ряда крупных племенных объединений языгов, роксолан, сираков, аорсов. Согласно Страбону, сираки жили по течению р. Ахардея, «который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (25. Страбон, с. 480), а аорсы – по течению р. Танаиса (Дона). Большинство кавказоведов реку Ахардей обычно отождест-

вляют с рекой Маныч, протекающей по территории современной Калмыкии, которая, вытекая с северных отрогов Кавказа, впадает в Дон (Танаис) в его нижнем течении. Аорсы-танаиты делятся на нижних – тех, кто живут южнее Танаиса, и верхних – севернее Танаиса. Они родственны, языковые расхождения наблюдаются на уровне диалектов, но политического единения нет, что показала война между сираками и аорсами в 49 г., когда каждая из сторон приняла активное участие в Боспоро-Римской войне.

Но с появлением на исторической арене в I в. н.э. племен алан ситуация изменилась – обозначилась тенденция к созданию военно-политического объединения всех сарматских племен юга России под эгидой алан на основе аланской доминации в численности, боевой выучке, сплоченности, власти дружинных вождей. В этом смысле показательным может быть богатый комплекс вещей из курганного захоронения из г. Азова с великолепным золотым фаларом с бирюзовыми вставками, браслетом и парадным кинжалом в ножнах из *красной* кожи [22, 175-190, рис. 11-12]. Е. И. Беспалый датирует курган I в. н.э., то есть временем первого проникновения алан на Нижний Дон. Это могила молодого аланского воина-дружинника, вероятно – представителя воинской элиты, хорошо известной по аланским катакомбным могильникам Кисловодской котловины. Интересно, что ножны кинжала были обтянуты красной кожей. Возможно, красный цвет – это маркировка социального статуса, ибо находка Беспалого – не единственная в аланских древностях. К примеру, красный сафьяновый чужак был найден в погребении 4-го скального могильника VIII-IX вв. Мощевая Балка в ущелье р. Большая Лаба. Следует отметить, что в Византии красный цвет дорогих одежды и обуви символизировал принадлежность к аристократии вплоть до импера-

тора. Конечно, один цвет обуви не может служить доказательством социального статуса, но в совокупности с богатством прочего инвентаря дорогие предметы дают нам право отнести погребенного в кургане у г. Азова к военной аристократии самой ранней волны аланских переселенцев на Дон. Но откуда? Скорее всего, говоря в общих чертах, с территории степей Заволжья и Южного Приуралья, т.е. ареала распространения прохоровской археологической культуры, о чем мы говорили выше.

Нам представляется, что центром притяжения для массовой сарматской миграции на запад, наряду со сменой кормовой базы для скота, было тяготение к эллинским городам-эмпориям – рынкам, расположенным как правило на берегу моря, для дальней оптовой торговли. Греки первое время считали Черное море «негостеприимным», но после основания на его побережье первых колоний ионийцев с VII в. до н.э. море постепенно стало становиться «гостеприимным». Английский историк Е. Миннз пишет о греческой колонизации Северного Причерноморья следующее: «С милетскими мореплавателями дело обстояло иначе. Плавание по Эвксинскому Понту оставалось опасным, но опасности были известны и риск осознан... Однако эта торговля зависела от установления регулярных сношений, которые могли быть обеспечены только путем основания факторий» [23, 53]. Как считал Ростовцев, главными товарами для греков были рабы скифов и рыбные богатства, особенно в Меотиде [1, 136].

В V в. до н.э. в Крыму, в районе современной Керчи, возник город Пантикапей – центр Боспорского царства (V в. до н.э. – IV в. н.э.), которое объединило греческие города Феодосия, Фанагория, Горгиппия и другие под властью династии Археанактидов (480-438 гг. до н.э.). С конца II в. до н.э. по IV в. н.э. оно со-

стояло в вассальных отношениях с Римом, чьи войска находились на Боспоре [24, 140-158]. В конце IV в. Боспорское царство было сметено гуннами. Боспор был важен для Рима как стратегический плацдарм на границе двух континентов – Европы и Азии, двух миров – иранского и тюркского, двух культур – эллинизированного иранства и тюркского варварства. На понтийской и прикавказской территории в I-II вв. произошла такая глубокая иранизация, что в начале III в. на Таманском полуострове (азиатская часть Боспорского царства) пришлось создать штат переводчиков во главе с неким Ираком. Имя говорит само за себя: это переводчик аланский [25, 112-114].

Нельзя не вспомнить и блестящую статью В.И. Абаева о сармато-боспорских отношениях и их отражении в нартовском эпосе [26, 369-380]. Это – не только народный эпос, но и исторический источник того синтетического жанра, который В.А. Кузнецов назвал «археологией фольклора». Абаев убедительно показал борьбу нартовских родов между собой, а героем сказаний является алдар (князь) по имени Кафты-сар-хуандон-алдар, то есть Глава-рыб-Владелец-пролива, он же Черноморский алдар, но он не нарт. «Нарты» здесь – псевдоним сармато-аланских племен. Абаев прав, считая Кафты-сар-хуандон-алдара боспорском царем. Заметим, что статья Абаева показывает действительную картину сармато-боспорских отношений глазами самих сармато-алан, что является уникальным случаем. Очевидно, дело в том, что «археология фольклора» на Кавказе разработана слабо, и мы можем не опознать ценную информацию.

В конце IV в. началось нашествие на юго-восточную Европу нового и очень опасного врага – гуннского племенного объединения. Гунны-тюрки в 372 г. переправились через Волгу и напали на алан-танаитов, а в 375 г. сокрушили

племенное объединение остготов Германариха. Началось великое переселение народов, окончилось двухтысячелетнее господство мира древних иранцев на юге Восточной Европы. Часть алан, очевидно донских, присоединилась к гуннам и с ними вторглась в западную Европу. Г. В. Вернадский писал, что аланы в гуннском нашествии играли роль авангарда [27, 131].

В дополнение к изложенному необходимо дать краткую справку о тех археологических материалах, которые представляют культуру ранних алан в I-IV вв. н.э. – того времени, когда поздние сарматы – ранние аланы стали играть в Боспорском царстве доминирующую роль. Особенно активно интеграция сарматов в население Боспора происходила в III-IV вв. н.э. Усиление влияния варварских элементов проявлялось в изменении характера погребального обряда: в устройстве земляных склепов – катакомб, в обычае класть в могилы зеркала и хоронить с покойником его боевого коня. Широко распространяется сарматский язык и, возможно, возникает явление билингвизма. Появляются так называемые загадочные сарматские знаки символического, гербового характера (III-II вв. до н.э. – IV в. н.э.). Значение этих знаков до сих пор не раскрыто, но эта символика древнеиранского, сарматского мира, дожившая в этнографии северокавказских горцев до XIX-XX вв. в виде тамги.

Обратимся к ранним аланам, обитавшим в I-V вв. н.э. на территории Центрального Предкавказья и известным нам по археологическим памятникам. Если Подонье, Боспорское царство, Тамань и берега Меотиды были плотно заселены сарматскими племенами, то в отношении изученности сарматских древностей первых веков нашей эры в более удаленных районах наблюдается явный перекоп. Эти районы мы знаем хуже, и наша информация должна вытекать из материалов по

археологии Северного Кавказа первых веков нашей эры, находящихся в научном обороте. Раннеаланскому периоду в истории Северного Кавказа посвящено немало как полевых археологических работ, так и отдельных монографических трудов. Мы не видим необходимости в анализе этих работ, и ограничимся использованием крупных сводных публикаций, способных дать общую перспективу по проблеме иранизации – сарматизации Центрального Кавказа в свете концепции «эллинство-иранство» Ростовцева. Таких монографий три: М. П. Абрамовой (Абрамова, 1993), Т. А. Габуева (Габуев, 1999), Ф. Х. Гутнова (Гутнов, 2001). Основной источник нашей информации – монография Абрамовой, поскольку она основана на анализе обширного археологического материала, преимущественно из раскопок самой Абрамовой. В монографии отмечено, что население центральных районов Предкавказья сарматского времени III в. до н.э. – IV в. н.э. по своей культуре заметно отличалось от населения более восточных районов (Дагестан) и от населения Северо-Западного Кавказа (меотов Прикубанья). Во введении автор пишет: «Материалы этого времени представляют значительный интерес, поскольку они не только освещают определенный период в истории северокавказских племен, но и служат основой для решения целого ряда более широких вопросов, в частности вопросов этногенеза осетин: по общепринятой точке зрения в этногенезе осетин участвовали раннесредневековые аланские племена Северного Кавказа; появление же алан на Кавказе относится именно к сарматскому периоду. Решение этого и других вопросов, касающихся взаимоотношений кочевых и оседлых племен, требует в первую очередь рассмотрения материалов памятников равнинных и предгорных районов, где происходили прямые контакты этих двух групп населения» [28, 5].

Это фундаментальное положение в исследовании Абрамовой полностью соответствует той парадигме этногенеза осетинского народа, которая доминирует в отечественной академической науке. К этим установкам Абрамовой необходимо добавить не менее фундаментальное положение относительно населения горных районов Центрального Кавказа в сарматское время. Абрамова твердо отстаивала положение о том, что в горах Центрального Кавказа «вплоть до эпохи раннего средневековья продолжали обитать племена кобанской культуры, отличавшейся в то время большим консерватизмом» [29, 3-28]. Как уже отмечалось, языковая принадлежность носителей кобанской культуры, одновременной скифской, однако не иранской, арийской, а скорее всего «яфетической» (по Н. Я. Марру), т.е. коренной кавказской, не установлена из-за отсутствия языкового материала.

Кобанская культура, видимо, происходит от северокавказской культуры эпохи бронзы II тыс. до н.э. Она была субстратом для сармато-аланского суперстрата, наложившегося на кобанский этнический субстрат и ассимилировавшего его. Кобанцы были носителями бронзовой металлургии, сложившейся в местный центр по производству из недавно открытого железа скифского короткого меча-акинака и литых бронзовых наконечников стрел.

В 1971 г. в г. Орджоникидзе СОАССР прошла конференция по проблеме аланской археологической культуры. С основным докладом выступил К. Ф. Смирнов. Суть доклада – соотношение сарматских

катакомбных могильников Приуралья и Поволжья и северокавказских. Катакомбы в Предкавказье появились с приходом сюда сарматов. Картографирование сарматских катакомб позволило Смирнову предположить, что они наиболее характерны для погребального обряда аорсов [30, 75-77]. Большинство причастных к этой дискуссии археологов признали выводы Смирнова убедительными. Так, М. П. Абрамова сообщила, что к началу XXI в. в Предкавказье ею учтено 510 комплексов сарматского времени, как грунтовых, так и курганных [28, 12-13]. Это действительно ценный материал, который позволяет делать достаточно серьезные выводы и обобщения.

Таким образом, проблема истории древнего иранства юго-восточной Европы, обозначенная в данной статье, связана с целым рядом вопросов: это хронология и территория расселения древнейших арийцев Ариана-Ваэджа в Северном Причерноморье и Предкавказье, скифов в Большой и Малой Скифии, в Предкавказье; расселение савроматов и вытеснение скифов; роль Боспорского царства для скифов и сарматов; сарматизация и эллинизация соседствующих этносов на Боспоре и Танаисе; сарматские племена роксолан, сираков, аорсов и их объединение в I в. под эгидой алан и т.д. Все эти вопросы глубоко интересовали ученых, и прежде всего М. И. Ростовцева, определив в частности его научные поиски, развившиеся в синтезе иранства и эллинизма, определившем дальнейшее культурное развитие России и Украины вплоть до сегодняшнего дня.

Примечания:

1. Аирй́анэм-Ваэ́джа (авест. *Airyānem Vaejah*, «арийский простор») – мифическая прародина древних иранцев, ариев; согласно Видевдату, именно с нее начинается список из 16 «наилучших» (авест. *vahišta-*) «местностей и областей», созданных Ахура Маздой для человечества.

2. Треры (греч. Τρήρες) – исчезнувшее впоследствии фракийское племя, часто упоминаемое Страбоном. По Фукидиду, треры жили к западу от р. Иский (ныне Искер) на северном склоне Скомбра, по соседству с трибаллами и тилатаями. – А. Ч.

3. Варварство, греч. *Barbaric* – у древних греков и римлян название всех чужеземцев, говорящих на непонятных языках и чуждых их культуре (германцы, славяне, иранцы, кавказцы и др.), в переносном смысле грубые, жестокие, некультурные люди.

4. Херсонесский декрет – Почетный декрет в честь Диофанта, посла понтийского царя Митридата VI Евпатора, направленного в Херсонес (II в. до н.э.).

-
1. Ростовцев М. И. Эллины и иранцы на юге России. Общий очерк. Пг., 1918.
 2. Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Г. Ардзинба. М., 1988. С. 7-36.
 3. Chernykh E. N. Earliest Stages of Metallurgy in Circumpontic zone // VIII Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Les rapport et les communications de la delegation de l'URSS. Moscou, 1973.
 4. Черных Е. Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Г. Ардзинба. М., 1988. С. 37-57.
 5. Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Stuttgart und Berlin, 1926. Bd. I, Ht 2.
 6. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970.
 7. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
 8. Мелюкова А. И. Предскифский (киммерийский) период в степи и лесостепи Восточной Европы // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 10-32.
 9. Советский энциклопедический словарь. 1982.
 10. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1979. Т. 3.
 11. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
 12. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
 13. Мозолевский Б. М. Толстая могила. К., 1979.
 14. Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы: Материалы и исследования по археологии России. М., 1997. № 1. С. 153-176.
 15. Болтунова А. И. Ранний Танаис (III-II вв. до н.э.) // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962.
 16. Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. М., 1990.
 17. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

18. Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Серия «Археология СССР»). М., 1989. С. 153-214.
19. Сулимирский Т. Сарматы: Древний народ юга России. М., 2007.
20. Страбон. География в 17 книгах / пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
21. Буданова В. П. Готы в эпоху великого переселения народов. М., 1990.
22. Беспалый Е. И. Курганы сарматского времени из г. Азова // Российская археология. 1992. № 1. С. 175-191.
23. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1947.
24. Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Март. С. 140-158.
25. Шкорпил В. Боспорские надписи, найденные в 1910 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1911. Вып. 40. С. 92-114.
26. Абаев В. И. Сармато-Боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
27. Vernadsky G. Ancient Russia // A History of Russia (vol. 1-5). New Hawen, 1944.
28. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
29. Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 3-31.
30. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73-75.

Chibirov, Alexey L. – Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia); chibiroff@mail.ru

SOME ISSUES OF THE EARLY HISTORY OF THE IRANIAN TRIBES IN SOUTH RUSSIA IN MODERN HISTORIOGRAPHY.

Keywords: Rostovtsev, Scythians, Savromats, Sarmatians, Alans, Iranians, North Pontic region, Circumpontic zone.

The article on the basis of the historiographic data highlights the early history of the Iranian tribes of Southern Russia, which inhabited the vast territory of the Great Steppe, stretching from the Baikal in the east to the middle reaches of the Danube in the west. Being a gigantic natural corridor connecting the civilizations of Asia and Europe, the Great Steppe was a natural continuation of the Iranian cultural world, which determined the cultural image of the Caspian and the Aral Sea Asia and was closely connected with the cultural world of Mesopotamia. The Great Steppe constantly received a stream of nomad migrants moving from east to west. In historiography, the zone of constant areal contacts is called the Circumpontic region, which from different directions was adjacent to the Black Sea. Archeological data give grounds to see here the expansion of the Caucasian metallurgical centers and related steppe groups into the Balkan-Danube region, which is the result of the settlement of the ancient Indo-Europeans from the Caspian-Black Sea steppes to the west and south-west with

the further identification of specific Indo-European groups. One of the first scholars to pay close attention to Iran and Hellenism as the basis on which Slavs arose in the southern Russian steppes was M. I. Rostovtsev, whose role and significance for Russian archeology and study of antiquity can hardly be overestimated.

REFERENCES

1. Rostovtsev, M. I. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii. Obshchii ocherk* [Hellenism and Iranianism in the south of Russia. General essay]. Petrograd, Ogn, 1918. 176 p.
2. Merpert, N. Ya. *Ob etnokul'turnoi situatsii IV-III tysyacheletii do n.e. v tsirkumpontiiskoi zone* [On the ethnocultural situation of IV-III millennium BC in the circumponctic zone]. *Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi* [The Ancient East. Ethnocultural communication. Eds G. M. Bongard-Levin, V. G. Ardzinba]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 7-36.
3. Chernykh, E. N. Earliest Stages of Metallurgy in Circumpontic zone. VIII Congress International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapport et les communications de la delegation de l'URSS. Moskou, 1973.
4. Chernykh, E. N. *Tsirkumpontiiskaya provintsiya i drevneishie indoevropeitsy* [Circumpontic province and the most ancient Indo-Europeans]. *Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi* [Ancient East. Ethnocultural communication. Eds G. M. Bongard-Levin, V. G. Ardzinba]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 37-57.
5. Meyer, Ed. *Geschichte des Altertums*, Ba. I, Ht 2. Stuttgart und Berlin, 1926.
6. Grantovsky, E. A. *Ranniyaya istoriya iranskikh plemen Peredney Azii* [Early history of Iranian tribes of Asia Minor]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1970. 396 p.
7. Herodot. *Istoriya v devyati knigakh* [History in nine books]. Leningrad, 1972.
8. Melyukova, A. I. *Predskifskii (kimmeriiskii) period v stepi i lesostepi Vostochnoi Evropy* [Pre-Scythian (Cimmerian) period in the steppes and forest-steppes of Eastern Europe]. *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Archaeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 10-32.
9. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1982. 1632 p.
10. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetic language]. Leningrad, Nauka 1979, vol. 3.
11. Petrukhin, V. Ya., Raevsky, D. S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem Srednevekov'e* [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early Middle Ages]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1998. 385 p.
12. Krupnov, E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1960. 520 p.
13. Mozolevsky, B. M. *Tolstaya mogila* [Tolstaya mogila]. Kiev, Naukova dumka, 1979. 252 p.
14. Kuznetsov, V. A. *Iranizatsiya i tyurkizatsiya tsentral'no-kavkazskogo subregiona* [Iranization and Turkization of the Central Caucasian subregion]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy: Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii* [Monuments of the pre-Scythian and Scythian times in the south of Eastern Europe. Materials and research on archaeology of Russia]. Moscow, no. 1, 1997, pp. 153-176.
15. Boltunova, A. I. *Rannii Tanais (III-II vv. do n.e.)* [Early Tanais (III-II centuries BC)]. *Arkheologicheskie raskopki na Donu* [Archaeological excavations on the Don]. Rostov-on-Don, Rostov State University, 1962.

16. Dumézil, G. *Skify i Narty* [Scythians and Narts]. Moscow, Nauka, 1990. 229 p.
17. Smirnov, K. F. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. The early history and culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka, 1964. 379 p.
18. Moshkova, M. G., Smirnov, K. F. *Savromaty i sarmaty v Volgo-Donskom mezhdurech'e, Yuzhnom Priural'e i Severnom Prichernomor'e* [Savromats and Sarmatians in the Volga-Don Interfluvium, Southern Urals and Northern Black Sea Region]. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Seriya «Arkheologiya SSSR»)* [Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time («Archaeology of the USSR» Series)]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 153-214.
19. Sulimirski, T. *Sarmaty. Drevnii narod yuga Rossi* [The Sarmatians: The ancient people of southern Russia]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 192 p.
20. Strabon. *Geografiya v 17 knigakh* [Geography in 17 books. Transl. by G. A. Stratanovsky]. Moscow, Nauka, 1964.
21. Budanova, V. P. *Goty v epokhu velikogo pereseleniya narodov* [Goths in the era of the great migration of peoples]. Moscow, Nauka, 1990. 232 p.
22. Bepaly, E. I. *Kurgan sarmatskogo vremeni iz g. Azova* [Barrow Sarmatian time from the city of Azov]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology]. 1992, no. 1, pp. 175-191.
23. Iessen, A. A. *Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya, ee predposylki i osobennosti* [Greek colonization of the Northern Black Sea, its premises and features]. Leningrad, State Hermitage Museum, 1947. 90 p.
24. Rostovtsev, M. I. *Rimskie garnizony na Tavricheskom poluostrove i Ai-Todorskaya krepost'* [Roman garrisons on the Tauride Peninsula and Ai-Todor Fortress]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Ministry of Public Education Journal]. 1900, March, pp. 140-158.
25. Shkorpil, V. *Bosporskie nadpisi, naidennyye v 1910 godu* [Bosporus inscriptions found in 1910]. *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]. 191, iss. 40, pp. 92-114.
26. Abaev, V. I. *Sarmato-Bosporskie otnosheniya v otrazhenii nartovskikh skazanii* [Sarmatian-Bospor relations in the reflection of Nart legends]. *Izbrannyye trudy. Religiya, fol'klor, literature* [Selected works. Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990. 640 p.
27. Vernadsky, G. *Ancient Russia. A History of Russia (vol. 1-5)*. New Haven, Yale University Press, 1944, vol. 1. 425 p.
28. Abramova, M. P. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in Sarmatian time (III century BC-IV century AD)]. Moscow, Institute of Archaeology of the RAS, 1993. 240 p.
29. Abramova, M. P. *Pamyatniki gornyykh raionov Tsentral'nogo Kavkaza rubezha pervykh vekov nashei ery* [Monuments of the mountainous regions of the Central Caucasus at the turn of the first centuries AD]. *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 3-31.
30. Smirnov, K. F. *Sarmatskie katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya-Povolzh'ya i ikh otnosheniye k katakombam Severnogo Kavkaza* [Sarmatian catacomb burials of the Southern Ural-Volga region and their relation to the catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1972, no. 1, pp. 73-75.